

ПРАВДА

...И в е т е р с ч е т ы р е х с т о р о н

Заметки о творчестве Николая Грибачева

слово. И такое слово всегда находится. Оно с добром ложится сперва в тетрадь, а затем и в книгу.

И таких книг у Грибачева — что по осени стогов в дугах у его красавицы Десны, — много. И все они, я бы сказал, укладистые, яркие. Есть среди них и поэтические. К наиболее значительным из них в последнем десятилетии я бы отнес: «И ветер с четырех сторон», «Стрелка секундмера», «И песня звезд»... Даже сами названия их резко говорят о современности: космос, стремительный бег времени, его жизненные и ветровые горизонты.

Недавно в издательстве «Советский писатель» вышло его, можно сказать, избранное из многих избранных. «Секунды, дни, годы» — вот его название. Охотно перечитываю его и всякий раз вижу целую большую жизнь человеческую. Жизнь народа, страны, мира. Масштаб поэтического мышления поэта насколько глобален в обобщении, настолько же и конкретно подробен в ощущении, во глубине остро ранимой, неуспокоенной памяти.

На стол дымком сплится
звездный свет.

Он опоздал на десять
тысяч лет:

Звезда, его посплавшая
в окно,

Погасла, может быть,
давным-давно.

Вторую четверть века —
страшный срок! —

Мой друг в донской степи.
Я сто дорог

Прошел с тех пор в снега,
дожди и зной,

А слышу — все он дышит
за спиной...

Дыхание вечности и жирное человеческое дыхание — вот что занимает и сердце, и мысль поэта. Я не люблю измысленной поэзии, которую некоторые наши критики умудрились окрестить интеллектуальной. Люблю мысль не только изреченную, но и изображенную. Люблю слово-портрет, слово-жест, слово-темперамент, слово-пейзаж...

Осень.

Стылость.

В сумерке село.

Речки рябью битое стекло.

Бесприютность скользкого

причала.

Лозняков растрепанных

мочало.

Хвойной рощи в просинь

полумгла.

Не шуми — земля поспать

легла.

Как видите, в лучших своих стихах Грибачев чувствует, как мыслит, и мыслит, как чувствует. Это и делает его настоящим художником, насколько не убавляя в нем активно мыслящего гражданина-борца.

Егор ИСАЕВ.

Когда речь заходит о Грибачеве, мне почему-то всегда первыми припоминаются вот эти его немудрящие строки:

В хате у бригадира —
Чья, не понять, вина —
После любви и мира
Вот тебе на — война.

В самом деле, ну чего тут? Строки как строки. У Грибачева и получше есть — мастер как-никак. А вот помнятся. А вот перечитываются. Причем легко — не с листа даже, а прямо с памяти. Перечитываются, как сказываются. Ход слова свободен, жестом сопровождается. А в слове и за словом — взгляните только! — целое событие. Пусть небольшое, семейное пусть, но событие. В чем-то серьезное, в чем-то забавное, смешное, но вмешиваться — боже упаси! Да остережет нас, догадливых, ты, всем известная поговорка-приказка: муж и жена — одна сатана.

Всего одна строфа и четыре коротких строки в ней, а как много в ней видится и как много оставлено для догадки. Все тут предстает в объеме, в особой игривой интонации, все указывает на живое чувство языка, как на первопризнак таланта.

А талант, если это действительно всамделишный, подлинный талант, он, как правило, обнаруживает себя всем кустом, а не только какой-нибудь отдельной вставкой. Верно, что Лермонтов — гениальный литератор — поэт, прозаик, драматург, — но так же верно и то, что он, помимо всего прочего, еще и замечательный живописец. И таких примеров в нашей отечественной культуре не так-то уж мало. Наиболее яркие из них — это когда наши поэты-классики являли своим творчеством прекрасные образцы не только в стихах, но и в других, более будничных, так сказать, жанрах — в прозе или драматургии, скажем.

Не берусь утверждать, занимался ли Грибачев когда-либо живописью и пробовал ли он свои возможности на почве сочинительства пьес. Чего не знаю, того не знаю. Но вот то, что он — прозаик, и причем довольно-таки значительный, — это даже и утверждать особенно не надо. Это само собой давно утвердилось миллионными тиражами книг его рассказов и повестей.

Кроме того, Грибачев еще и публицист, автор многочисленных газетных и журнальных статей, памфлетов, очерков, полемических заметок, эссе, в разное время написанных на материале нашей и зарубежной действительности. Слово «газетных» я употребил здесь отнюдь не для того вовсе, чтобы как-то намеренно занизить качественную сторону газетных публикаций. Нет. Грибаче-

ва и тут вряд ли в чем можно упрекнуть: его публицистика, где и когда бы она ни была напечатана, всегда являла собой завидный пример натурально писательской публицистики — публицистики не только значительного факта, но и дельной, весомой мысли, яркого образа.

Кстати, несколько слов по поводу. У нас — особенно в критике и литературоведении — принято почему-то считать, что лирика и эпика — это во-первых, а публицистика — во-вторых. Думаю, что это не совсем так. Публицистика — это та самая искра, из которой возгорается пламя всех жанров без исключения. Публицистика — это прежде всего первоэрекция, первоотношение к факту действительности, если хотите — гражданский нерв таланта. Сначала все-таки скорая помощь, «неотложка», а уж потом всякие там многосложные и многоумные НИИ от медицины. Даже в энергетике и то, по-моему, есть что-то от публицистики. Ну, хотя бы — цель, направление тока: кому и для чего? Как там у Маяковского: «Ведь если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?».

Итак, Грибачев-прозаик, Грибачев-публицист. Одно это уже говорит о многом. О многом, да, но не о главном все-таки. Проза и публицистика для Грибачева — момент скорее отраслевой, нежели ствольный. Главным для него всегда была и остается поэзия, причем во всех ритмах и жанровых спектрах. Грибачеву в равной мере удается и эпос и лирика, миниатюра и много-строфное, событийное стихотворение, шутка и спокойное, рассудительное слово философа, сатира и нежное признание в любви, сказка и сонет, басня и стихи для детей... И во всем он — Грибачев. Во всем — его нерв, его мысль, его слог.

Писать он начал рано. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых — врожденное дарование. Во-вторых, то, что он родился и детство провел в деревне. И в-третьих — время. Время не столько в календарном, сколько в социальном выражении: революция, гражданская война, первые шаги индустриализации, коренная ломка на селе — все это, естественно, не могло не сказаться на впечатлительной натуре сельского паренька-комсомольца.

В 1927 году в местной газете появляется его первое стихотворение. Позже выходит его первая книга. Название «Северо-Запад» говорит само за себя: это — северо-запад

России, Карелия, где тогда работал поэт.

Надвигалась одна беда за другой. Сначала малая, но очень тяжелая война — война с белофиннами, а затем — большая, даже не большая, а непомерно великая, страшная война — война с германским фашизмом.

Грибачев воевал на той и на той. С первого дня и до последнего. Сперва боевым командиром саперов, а потом, где-то уже в 43-м, после разгрома немцев под Сталинградом, — спецкором армейской газеты. Там-то они и сошлись в одном характере — воин и поэт. Сошлись крепче крепкого: воин вызывал поэта, поэт укрещивал воина. И так через всю войну — где с автоматом, где с карандашом. Воевал и писал. Урывками писал, но уж зато с огнем прямо.

Ноябрьская ночь —
как морская вода:
Прошел — потонул,
не оставив следа...

И пуля — в полете, и
смерть — за углом.
И в небе мотора стихающий
гром.

И катится мысль, как
в бескрайность волна,
Туда, где окончится эта
война.

Как тут все точно, как тревожно все — в этих темных, ночных строках. Тесно в них, как в окопе, и на разрыв просторно... Так просто, а что аж до жути холодно. И все-таки чувствуется присутствие подспудной звезды — звезды надежды. Ею стелено все. И веришь: так будет, ведь когда-нибудь она кончится, эта война.

Первое послевоенное десятилетие было особенно плодотворным для Николая Грибачева. Рвались к слову сразу две темы: тема деревни, заявившая о себе еще до войны, и тема самой войны. Грибачев и тут не изменил своему характеру — писал о войне и о послевоенной деревне. И, надо сказать, безуспешно: его поэмы «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе» были по достоинству отмечены Государственной премией СССР.

Не обошлось и без споров. Некоторые критики, например, считали возможным поставить в укор автору то, что он в этих своих поэмах местами якобы подпадает под косвенное влияние поэм Твардовского. Время показало, что это не так. Уж если Грибачев и подпадал когда-либо под чье-то влияние, то такой влиятельной особой для него был не кто иной, как сам великий разго-

ворный русский язык — первоумудрец наш и первохудожник. И влияние это было не косвенным, а прямым, так же как и на Твардовского. И тут — я согласен — сходство есть. И сходство скорее параллельных курсов, нежели профилей и рельефов, как сказали бы знатоки-путейцы.

Грибачев резко индивидуален. И как человек, и как поэт. Ритмика его стиха, интонация хода строки несколько жестче, чем, скажем, у того же Твардовского. Это и понятно: разные характеры, разные, я бы сказал, нажимы на перо. Разное темперамента разных. Грибачев мне представляется более прямым, более публицистичным, что ли... Такой уж он человек. Такой уж он поэт.

Но вернемся к началу, к тому самому родовому месту, откуда он пошел, поэт Николай Грибачев. А место, я вам скажу, действительно дивное. Представьте себе — река! Очень заботливая, добрая, поскольку извилястая — ко всем подойти старается. К людям и к лошадям. К близким селам и дальним городам... И чистая-пречистая вся. Десной зовут. По крутым подбережьям — вся в камышах и лаковых темно-зеленых листьях, с лопату величиной, плавно распластавшихся ровнею с водой. Над ними — по заводам и затонам — белые, как подвечные, лилии и желтые кувшинки... А глаза оторвешь от поплавка, глянешь направо вверх — там село на горе! Большое, в яблоневых садах и загущенных вишенниках. Высоко стоит, просторно, за Десну-реку в сто своих окон, а то и больше, смотрит. А там — луга, островецкие стога в дугах, а дальше — кругло окошенные ивы. А дальше — синий-синий лес... Туда оно тоже достает своим взглядом — высокое, старинное село. Лопушь — его зовут. Там живет мать поэта, Ефросинья Дорофеевна, мудрая, работающая долгожительница: скоро ей будет сто лет, а она еще работает, хлопочет по дому, самое первое окошко которого, как и сердце материнское, всегда повернуто к Москве, навстречу сыну: ждет. Тут самый главный дом творчества Грибачева. Чуть набезит, сгущается свободное от службы время — он уже тут, рядом с матерью, тут — у своих односельчан, в Лопуши, тут — у своих избирателей, вот уже который раз дружно посылающих его своим депутатом в Верховный Совет Российской Федерации.

Тут, в Лопуши, он в основном и пишет. Ну, а если не пишет, то уж наверняка обдумывает и согревает у сердца все то, что просится к нему в